СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 7

Игорь Стась. Введение. Советская ведомственность и ведомственный подход в изучении советской истории 10

Раздел I. Что такое советская ведомственность?

Александр Иванов. Глава 1. Как историография описывает ведомственность в Советском Союзе? 40

Игорь Стась. Глава 2. Ведомственность в советской истории. Гувернаментальность, государственные интересы и публичный дискурс 103

Раздел II. Ведомственность как вертикальная система управления

Андрей Сметанин. Глава 3. «Очень сложно быть коммунистом и угодить министерству». Открытая оппозиция директоров ведомственным правилам (по материалам экономических обсуждений 1955–1957 годов) 192

Михаил Пискунов. Глава 4. Культура производства коллективов и советский завод на рабочем месте 218

Раздел III. Материальное воплощение ведомственности

Константин Бугров. Глава 5. Многоэтажная ведомственная урбанизация. Индустриальные города СССР в глобальном контексте 250

Сергей Духанов. Глава 6. Ведомственная организация градостроительного освоения Западной Сибири в годы первых пятилеток 307

Николай Байкалов. Глава 7. Недостроенные города БАМа. Советская ведомственность в формировании населенных пунктов притрассовой зоны 355

Раздел IV. Социальные практики ведомственности

Сергей Баканов, Ольга Никонова. Глава 8. Ведомственный жилищный фонд в 1950–1980-х годах. Структура, эволюция и практики распределения 408

Денис Кирилюк. Глава 9. Учебные заведения Свердловской железной дороги в 1945–1991 годах. Между ведомственностью и целесообразностью 443

Мария Ромашова. Глава 10. Музей на позднесоветском предприятии. Между общественным и ведомственным 470

Раздел V. Ведомственность в дискурсивных нарративах

Марина Клинова, Андрей Трофимов. Глава 11. Образы советских хозяйственных управленцев в сатирическом журнальном дискурсе (1953–1964) 496

Екатерина Чечкина. Глава 12. Литература освоения. Ведомственный текст в сибирском толстом журнале середины 1950-х — начала 1970-х годов 520

Коллектив авторов 543

Указатель имен 545

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта коллективная монография, которую читатель держит в руках, была подготовлена по итогам работы научной конференции «Ведомственность в истории СССР», прошедшей в стенах Тюменского государственного университета 15–16 апреля 2022 года. Организаторы получили пятьдесят четыре заявки, но в результате отобрали лишь семнадцать докладов, вокруг которых состоялись основные дискуссии конференции. Задача была не просто поговорить об институциональной истории Советского Союза, но рассмотреть конкретный феномен ведомственности и предложить исследовательскую рамку для его изучения. Участниками того двухдневного обсуждения стали М. Г. Агапов, С. А. Баканов, Н. С. Байкалов, К. Д. Бугров, С. И. Веселов, С. А. Власов, Р. Р. Гильминтинов, С. С. Духанов, А. В. Захарченко, А. С. Иванов, Д. В. Кирилюк, М. А. Клинова, Ф. С. Корандей, О. Ю. Никонова, М. О. Пискунов, М. В. Ромашова, А. В. Сметанин, И. Н. Стась, А. В. Трофимов, А. А. Фокин, Е. А. Чечкина. Затем последовала долгая и тяжелая работа по написанию текстов, редактированию и согласованию общей рукописи монографии. Не все участники той бурной дискуссии стали авторами этой книги, однако их советы, реплики и вопросы бесценно помогли в написании текстов и тем самым стали частью общего интеллектуального вклада.

Данная монография была подготовлена в рамках реализации исследовательского проекта Российского научного фонда № 20-78-10010 «Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930–1980-е годы): регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры и идентификационные стратегии». Команда ученых, которая работала над этим проектом в 2020–2023 годах, выступила основным костяком в организации конференции и составлении книги.

В грантовом исследовательском коллективе в разное время состояли Н. В. Гонина, В. В. Зубов, А. С. Иванов, В. А. Книжников, Ф. С. Корандей, Н. А. Михалев, Е. В. Полянский, Н. Н. Рашевская, И. Н. Стась, Е. А. Чечкина. Введение, главы 1, 2 и 12 книги выполнены непосредственно при поддержке Российского научного фонда.

Подобный труд не мог бы состояться без общения с учеными, которые интересовались тематикой ведомственности и были сопричастны данному исследованию. Впервые о ведомственной оптике в изучении советской истории я услышал от своего научного руководителя Г. Ю. Колевой, которая в 2011 году предложила мне посмотреть на становление городов в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе через призму ведомственности. Собственно, с тех пор и зародилась идея показать советское прошлое посредством этого явления, за что я сердечно признателен Г. Ю. Колевой. Проблема ведомственности неоднократно обсуждалась на кафедре истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета, где я учился в аспирантуре и где тогда трудились историки Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, В. П. Карпов и М. В. Комгорт, принадлежавшие к тюменской школе изучения истории нефтегазового освоения Западной Сибири. Ведомственное освоение Крайнего Севера также было постоянной темой для разговоров в Сургутском государственном университете, в котором я работал в 2014–2020 годах среди замечательных исследователей и преподавателей М. А. Авимской, Д. В. Кирилюка, А. С. Иванова, В. И. Бобейко, А. И. Делицоя, О. А. Задорожней и А. И. Прищепы. Сегодня политика ведомственных организаций часто анализируется коллегами в Центре урбанистики ТюмГУ. Без содействия его руководителя С. А. Козлова было бы сложно осуществить этот исследовательский проект. И конечно, стоит сказать о молодых тюменских историках М. С. Мочалине и А. В. Михалишине, с которыми мы постоянно говорим о ведомственном факторе в советском городском развитии.

Авторский коллектив монографии также глубоко благодарит исследователей, с которыми удалось обсудить различные аспекты ведомственной истории России в период подготовки данной книги: редакторскую команду журнала Ab Imperio — И. В. Герасимова,

А. М. Семенова, М. Б. Могильнер, С. В. Глебова; профессора Назарбаев Университета — М. Ю. Ломоносова; профессора НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге — Н. В. Ссорина-Чайкова; профессора МГУ им. М. В. Ломоносова — А. Н. Пилясова; директора Института региональных исторических исследований НИУ ВШЭ — Е. М. Болтунову; главного научного сотрудника Института истории СО РАН — С. А. Красильникова; профессора НИУ ВШЭ — О. В. Хлевнюка.

Я хотел бы сказать отдельное спасибо редакторам «Нового литературного обозрения» А. Л. Куманькову и И. С. Мартынюку, поверившим в эту книгу, а также своей дорогой супруге Дарье Пядуховой, которая помогла в нелегком деле редактирования рукописи.

Игорь Стась,
декабрь 2024 года

Игорь Стась

ВВЕДЕНИЕ. СОВЕТСКАЯ ВЕДОМСТВЕННОСТЬ И ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ[1]

Эта книга посвящена феномену советской ведомственности. Кажется, что для российской историографии подобная работа должна была выйти лет на двадцать раньше, когда в историческую науку в России стали проникать идеи постревизионизма по отношению к советскому прошлому. Однако споры о модерности и субъективности в СССР, которые активно велись в зарубежной русистике, практически никак не преломились в новых версиях советской истории, написанных российскими авторами. Апологетика прогрессистского нарратива о развитии СССР зачастую редуцировала социальный и политический порядок Советского государства, описывая его в больших понятиях «цивилизации», «модернизации», «индустриализации», «мобилизационной экономики», «административно-командной системы» и т. д. Такая оптика выстраивала обобщающую и гомогенную историю Советского Союза, вытесняя из него самые разные контексты и дискурсы. Например, отечественные историки так и не включились в дискуссию о советской альтернативной модерности, и, вместо того чтобы показать разнообразие ее контекстов, они в основном сосредоточились на вульгарной генерализации советской истории в рамках процесса «модернизации» или «цивилизационного развития».

[1] Работа выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10010.

Попав в подобную интеллектуальную ловушку, российская историография в значительной степени отказалась от объяснительных теорий среднего уровня при описании истории СССР. Противоположная ситуация наблюдалась в сообществе зарубежных историков, которые предложили множество интерпретационных моделей для советского прошлого. Эти концепции вписывались в более широкие рамки дискуссий о субъективности, онтологическом повороте и материальности, постколониальной и феминистской критике, национализме и империи, экологической и глобальной истории. Плюрализм исторических направлений был частью общей антропологической парадигмы в изучении СССР, где фокус сместился от исследования систем, структур и процессов к анализу социальных практик и репрезентаций — отношений и идентичностей, перформансов и ритуалов, дискурсов и эпистемологий. В этом фокусе стали важны голоса самих современников, язык которых включал понятия и дефиниции, повсеместно использовавшиеся в коммуникациях и риторике, нередко объяснявших существующую действительность для самих участников событий. Вместе с тем историки не видели в понятийном аппарате современников возможность его преобразования в аналитические категории. Они предпочитали использовать современный терминологический инструментарий, не связанный с историческим контекстом.

Типичным примером такого парадокса можно назвать понятие «ведомственности». Авторы данной книги задумались над тем, а могут ли исследователи применить категорию «ведомственность» в качестве объяснительной формулы при описании и анализе самых разных сюжетов из советской истории. По сути, это означает предложить своеобразный *ведомственный подход*, который, вероятно, позволит сформулировать новые вопросы к советскому обществу и даже, возможно, отыскать нетривиальные ответы. Познание советского через понятие его собственного дискурса, частью которого, несомненно, была ведомственность, для кого-то может показаться слишком абсурдной задачей, поскольку этот термин сам по себе мало что дает исследователю. Однако в данной книге ведомственный подход — это не привязка к одному предикату, а интерпретационная оптика, способствующая через ведомственные контексты

увидеть агентов самых различных отношений, практик, дискурсов и репрезентаций. С моей точки зрения, это означает не просто рассматривать ведомственность как объект исследования, который можно изучать посредством других концептуальных рамок, но наделить ее саму определенным операционализационным функционалом. То есть отказаться от эссенциализации этого понятия, а посмотреть на него как на инструмент анализа и схему интерпретации советского общества.

Ведомственный подход

Эвристические возможности любой концепции определяются ее универсальностью, которую можно приложить в изучении явлений из разных контекстов. Понятное дело, что ведомственный подход не стоит рассматривать как метатеорию, объясняющую общества из разных культур и времен. Ведомственный подход — это теория среднего уровня, чье ключевое понятие «ведомственность» порождено советской эпохой и, соответственно, для советской эпохи в первую очередь применимо. Точнее, этот подход нужно использовать тогда, когда сама проблема ведомственных отношений артикулировалась современниками. В случае с советской эпохой это понятие определялось весьма универсально — как определенная первостепенность идентификации с предприятием или министерской вертикалью, проявляющейся в коммуникациях с другими субъектами. Такую идентичность с предприятием или министерством многие исследователи могут называть по-разному — корпоративизм, институционализм или камерализм, но авторы данной книги акцентируют внимание на том, что для советской истории это явление имело собственное имя.

Ведомственность — это отвлеченное или абстрактное существительное, образованное от прилагательного «ведомственный», которое, в свою очередь, соотносится с существительным «ведомство», то есть свойственный или принадлежащий ведомству. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона отмечает, что понятие «ведомство» происходит от слова «ведать» — знать, уметь управлять. Авторы словаря указывают, что «ведомство» лучше всего соответствует иностранному слову «компетенция»

и представляет собой не столько само государственное учреждение, сколько область государственных задач, возложенных на учреждение. И эта компетенция определяется тремя вещами: «родом дел» (законодательным, судебным или административным), «пространством действия власти» (общегосударственным или местным), «взаимным отношением» (иерархией высших и низших учреждений одной и той же отрасли управления)[1]. В толковом словаре В. Даля глагол «ведать» не только означает «знать, иметь о чем сведение, весть, ведомость, знание», но и определяет состояние власти — «заведовать или править, управлять, распоряжаться по праву»[2]. Соответственно, ведомственность как предикат лексем «ведомственный/ведомство/ведать» можно описывать и объяснять главным образом как практику управления, которую осуществляли учреждения, получившие от государства определенные права «ведать» и «знать». Вероятно, так это явление воспринимали и сами советские граждане.

Такая интерпретация ведомственности идеально отражает фукианскую модель отношений власти, в которой власть реализуется через знание: ведомство — это тот, кто управляет, и тот, кто знает. Исследовательской задачей ведомственного подхода как раз является раскрытие форм и сути этих отношений власти в Советском Союзе. Результаты поиска в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) свидетельствуют, что термин «ведомство» имел наибольшее распространение в XVIII веке и в начале XX века вплоть до нэпа. Однако понятие «ведомственность» стало широко использоваться исключительно в советское время. Несмотря на то что в Национальном корпусе русского языка оно представлено совсем бедно, тем не менее можно заметить, что артикуляция «ведомственности» была особо присуща в период хрущевской реформы и в 1980-х годах. Поэтому предлагаемый в этой книге ведомственный подход представляет собой теорию среднего уровня, ориентируемую на научную трактовку истории Советского государства.

---

[1] Энциклопедический словарь. Т. VIIa. Выговский — Гальбан. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. С. 611–612.

[2] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. https://slovardalja.net/word.php?wordid=2757 (дата обращения: 18.10.2024).

Итак, ведомственный подход — это теоретическая рамка, которая позволяет описать и раскрыть советские варианты отождествления человека с различными институциями, определявшими не только социальные коммуникации и практики, но и задававшими соответствующие паттерны отношений власти и знания, на основе которых Советское государство выстраивало политику и идеологию. При данном определении ведомственный подход кажется чем-то очень запутанным: включает самые различные элементы — от процесса идентификации и социальных практик до дискурсивной риторики и административных иерархий. Поэтому при работе с эмпирическим историческим материалом правильно конкретизировать ведомственный подход в четырех как минимум наборах операционализации, а именно в качестве категорий: 1) системы, 2) материальности, 3) практики и 4) дискурса. Это означает, что этот подход не сводится к простому использованию понятия «ведомственность» в исследовательском описании. Недостаточно обозначить объектом изучения ведомства и их взаимоотношения друг с другом, важнее настроить фокус, где историческая реальность будет реконструироваться через призму ведомственной проблематики. Вместе с тем такая призма обладает несколькими нюансами, при формулировании которых исследователь как бы занимает метапозицию по отношению к изучаемому явлению ведомственности.

Что значит ведомственность в конкретном исследовании? Это то, что объясняет суть анализируемого объекта? Этот термин обозначает специфику социальных и экономических конфликтов? Может быть, это следствие ресурсодобывающей политики и масштабного преобразования территорий? Или это маркер идентичности? Или же это дискурсивное поле для относительно свободных субъектов? Все эти вопросы применимы к каждому исследованию, в котором ведомственность выступает чем-то большим, чем обычным воспроизводством советского термина. Поэтому ведомственный подход означает, что исследователь способен не просто артикулировать само это понятие, но и объяснять эвристические контексты его использования. С одной стороны, это контексты операционализации ведомственности как теоретического понятия, а с другой — это условия, фиксирующие реальность данного явления в конкретно-исторический

момент. Авторы этой книги считают, что о ведомственности можно говорить в четырех концептуальных оптиках — системы, материальности, практики и дискурса, которые непосредственно предполагают собственный язык описания и конструирования ведомственности как объекта исследования.

Реконструирование советской ведомственности как системы представляется возможным в том случае, когда исследователь применяет этот концепт в качестве объяснительной модели для тех или иных исторических процессов, явлений, политик, социальных или культурных взаимодействий. Здесь ведомственность — это определенная структура или модель, которая предопределяет политические, социальные или экономические отношения между государственными органами, организациями, агентами или различными типами управления. В такой интерпретации ведомственность должна, во-первых, что-то объяснять, например политические решения исполнительной вертикали, а во-вторых, раскрывать особенности и правила иерархической модели, в рамках которой действуют бюрократические и политические институты.

Нередко советская ведомственность проявлялась материально. Тысячи различных главков и предприятий, заводов и комбинатов осваивали территории, добывали ресурсы, создавали инфраструктуру или производили различную продукцию, тем самым воспроизводили онтологический мир ведомственности. Эта концептуальная оптика описывает ведомства как институты, обладающие материальным телом — зданиями и сооружениями, ландшафтом и техникой. Такая физическая сущность во многом предопределяла конфликтный потенциал ведомственности, когда ведомственные структуры оспаривали территории, промышленные и гражданские объекты друг у друга или у других субъектов. Ведомственная материальность воплощалась в пространстве, но она также имела темпоральную репрезентацию.

Понимание ведомственности как категории практики более всего обладает антропологической перспективой, что означает рассмотрение ее в виде конкретного исторического явления, воплощенного в человеческой деятельности и активности, в конкретном исполнении должностных статусов, инструкций и обязанностей, формальном и неформальном общении. В качестве

практики ведомственность может приобретать разные формы: 1) горизонтальной или вертикальной взаимосвязи между различными организационными структурами, 2) конфликтных повседневных отношений между представителями различных ведомств, 3) институционального повседневного механизма государственного контроля, учета и формирования лояльных групп населения.

Значение ведомственности как дискурсивной категории также позволяет посмотреть на это явление антропологически — через призму языка самих современников и выявить смысл этого понятия в различных контекстах его употребления. Но в данном случае важно не только само воспроизводство термина, но и язык и риторика ведомственных организаций и структур. То есть дискурсивный анализ ведомственности подразумевает два варианта исследования: 1) при изучении использования и артикуляции понятий «ведомственность» и «ведомство» в публичной сфере в том или ином историческом контексте; 2) при анализе дискурса самих ведомств, то есть реконструкции мнений и нарративов, исходивших от агентов предприятий, организаций, министерств и т. д.

Соответственно, ведомственный подход — это умение применять эти категории в изучении истории различных институций и их агентов, позволяющее посмотреть на советский мир не просто в рамках большого теоретического нарратива, но крупным планом с учетом сложных контекстов отношений государства и человека, органов власти и предприятий, чиновников и работников, канцелярии и социальных сообществ. При этом ведомственный подход подразумевает акцент на эмическом взгляде, то есть признание мнения и точки зрения современников на эти сложные взаимоотношения, которые часто назывались «ведомственностью». Авторы данной книги надеются, что исследования, которые в ней представлены, способствуют открытию нового поля для интерпретации советской жизни и признанию ценности подобной аналитической оптики для историографии. Поэтому следует более детально описать суть ведомственного подхода через реализацию его в четырех категориях — системы, материальности, практики и дискурса и как авторы данной монографии применяют его в своих исследованиях.

Система

Ведомственность выступает категорией системы тогда, когда исследователь с ее помощью пытается обосновать логику исторических событий и в идеале построить модель, разъясняющую иерархию ведомств, их функционал, зоны интересов и ответственности, а также типы их взаимодействия. В данной интерпретации ведомственность — это масштабная бюрократическая машина, в которую вплетены самые различные организации, действующие как на вертикальном, так и на горизонтальном уровне. Главными вопросами в рамках такого анализа являются: Что такое Советское государство? В чем его структура и как оно реализовывало свои решения? В чем разница между государственными и частными интересами? Что такое советская модель управления? Какова ее бюрократическая иерархия?

В первой главе А. Иванов показывает, что именно эти вопросы были во многом ключевыми в попытках ученых выявить истинное положение дел в советских государственных институтах. Иначе вся историография о ведомственности — это историография о Советском государстве и механизмах его работы. Иванов пришел к выводу, что в научной литературе существуют семь исследовательских подходов, которые в разной степени значимости выделяли проблему ведомственности и видели в ней определенный структурный феномен: 1) бюрократизм, 2) группы интересов, 3) экономические подходы, 4) патрон-клиентизм, 5) неотрадиционализм, 6) ведомственное направление, 7) постревизионизм. Несмотря на различность позиций, ученый объединяет эти подходы в две основные традиции описания и интерпретации сути Советского государства и его административно-политического аппарата. Первая делала акцент на значимости формализованного бюрократизма, особенно в вертикальной иерархии исполнительной власти: к ней можно отнести подходы бюрократизма, группизма и взгляды экономистов-советологов. Вторая усматривала специфику советской системы в воспроизводстве неформальных отношений: такой интерпретации придерживались частично исследователи группизма, но в основном — патрон-клиентизма и неотрадиционализма. Обе традиции в большинстве случаев видели в ведомственности лишь очередной симптом болезни

Советского государства и фактически не воспринимали ведомственность как особую административно-политическую структуру, определявшую исполнение государственных решений как в центре, так и на местах.

Однако исключение составляло ведомственное направление в историографии, которое смогло описать феномен ведомственности на стыке двух этих традиций. В середине 1990-х годов название этого историографического — «ведомственное направление» — предложил историк О. Хлевнюк. В основе этой оптики было признание самодостаточности советских институтов и органов государственного управления в общей административной системе СССР, а сама ведомственность рассматривалась, по меткому определению Э. Риса, как идентичность и философия управленческих институтов. В рамках данного подхода первые работы сконцентрировались на анализе деятельности общесоюзных суперведомств, таких как Рабкрин, Госплан или Наркомат путей сообщения (авторы — Э. Рис, П. Грегори). Вскоре последовали работы, которые вообще описывали Советское государство как «ведомственное общество», где усиливающиеся ведомства получали все большую свободу от партийного надзора и других механизмов контроля (С. Фортескью, С. Уайтфилд), а вся бюрократическая структура была поражена «болезнью ведомственности» (М. Левин). Исследователи также указывали на лоббистские возможности промежуточных институтов в ведомственных иерархиях, в частности главков и региональных руководителей (П. Грегори, А. Маркевич, Д. Харрис). Однако во второй половине 1990-х годов последовал интеллектуальный сдвиг в ведомственном направлении: историки стали все больше указывать на личностный фактор в политике ведомств (О. Хлевнюк, Э. Рис, Д. Уотсон, Ф. Бенвенути). Они объясняли институциональные отношения и конфликты через призму персонализации «героев ведомственности» (Орджоникидзе, Кагановича, Дзержинского и др.). Именно в этом персонифицированном фокусе ведомственное направление объединяло две тенденции — с одной стороны, признание значимости формализованной бюрократии, а с другой — существенную роль патронклиентских отношений. Тем не менее все эти работы отличал исследовательский взгляд на ведомственность как на отражение

управленческой структуры в СССР. Хлевнюк назвал это «системой советской ведомственности», а сами советские бюрократы, как показал историк Н. Митрохин, предпочитали использовать термин «ведомственные системы».

Антрополог Дэвид Гребер считал, что слияние государственного и частного являлось определяющей тенденцией в процессе тотальной бюрократизации. По сути, государственные и частные интересы сплетались в единую самоподдерживающуюся сеть, что приводило к корпоративизации жизни[1]. Вероятно, в советских реалиях, в отсутствие рыночной экономики, подобный синтез был еще более заметным, а государственная система представляла собой бесконечную паутину ведомств и канцелярий. Учитывая такую исследовательскую оптику, ведомственность как категория системы означает эту разветвленную сеть государственных организаций, обладающих собственными институциональными интересами и образовывающих различные договоренности между собой, но и нередко переходящих в открытые конфликты. В таком случае ведомственность может рассматриваться как обширная административная иерархия институтов. В рамках вертикальных взаимоотношений исполнительной власти она структурировалась по линии правительство — министерство (наркомат) — главк — предприятие, а на уровне горизонтальных связей проявлялась на местах через более субъектные позиции из разных зон ответственности: партийные комитеты — советы — главки — предприятия — профсоюзы и т. д. Эта системная модель ведомственности поддерживалась множеством практик взаимодействия между ведомственными агентами.

В третьей главе А. Сметанин указывает на конкретизацию понятия «ведомственность» в хрущевское время, когда под ним стало пониматься нарушение связей между различными предприятиями, функционирующими в одном экономическом районе, но действующими исключительно по вертикальной линии, без оформления связанности с другими игроками на горизонтальном уровне. Таким образом, историк рассматривает ведомственность как вертикальную систему среднего звена, которую

[1] *Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 20, 27, 45.

воспроизводили ведомства — министерства, главки и совнархозы, выступавшие учредителями промышленных предприятий, определявшие их ресурсы, плановые показатели и отчетность. Сметанин исключает из этой системы как высшие органы — Совет министров и Госплан, так и низовые организации — предприятия, тресты и заводы. Однако остается ключевым вопрос: а какова роль директоров предприятий в этой ведомственной системе? Сметанин выводит директорский корпус за пределы ведомственности, наделяя директоров 1950-х годов субъектностью критиковать и осуждать это явление и одновременно показывая, что директора стремились договориться о границах своей и министерской ответственности. Для директоров ведомственность замыкалась чаще всего на бюрократии главка, и редко выше. В итоге мнение директоров совпадало с риторикой Хрущева, который также критиковал эту министерско-главкскую ведомственность, концентрирующую ресурсы на себе и выстраивающую административные барьеры для горизонтальных взаимодействий.

В четвертой главе М. Пискунов, также рассматривая ведомственность в качестве экономической вертикали советской производственной бюрократии, показал, что эта система вряд ли ограничивалась полем отношений от министра до руководителей главков или директоров предприятий. В позднесоветскую эпоху в эту иерархию полноценно встроился трудовой коллектив предприятия, агентами-медиаторами которого выступали цеховые руководители — мастера, начальники участков и цехов. Сначала воспроизводимый дискурсивно в социальной литературе, трудовой коллектив из концепта превращался в реальную социальную группу на заводах и предприятиях. По мнению Пискунова, трудовые коллективы и их моральная экономика стали во многом предопределять феномен советской ведомственности, или, точнее, ведомственность уже охватывала не только номенклатурные уровни, но и обычных рабочих. В данном случае явление цеховщины выступало как низовая форма ведомственности.

Таким образом, мы видим, что проблематика ведомственности как системного феномена в значительной степени связана с определением масштабов и границ самой системы и выявления конфигурации вертикально-горизонтальных отношений между

ее субъектами. Были директора предприятий и трудовые коллективы частью ведомственности? Какая роль Госплана и Совета министров в воспроизводстве ведомственных барьеров? Могли ли региональные партийные и советские структуры противостоять этому явлению или они поддерживали сложившуюся модель ведомственных взаимоотношений? Как в этой системе действовали бесчисленные советские агентства, бюро, инспекции, комиссии, комитеты и управления? В чем разница между проявлениями ведомственности при отраслевом и территориальном управлении? Какая роль личности в ведомственной политике и лоббистском весе ведомств? Эти и другие вопросы относятся к научной проблеме обозначения, какие органы, отрасли, группы и должности были включены в эту систему и как она функционировала как по вертикальной иерархии, так и в горизонтальных отношениях. Такая исследовательская оптика позволяет раскрыть ведомственность в качестве особой советской административно-управленческой системы.

Материальность

Ведомственность была заметна не только в вертикально-горизонтальных коммуникациях административно-политического аппарата, но, может быть, еще ярче проявлялась в реализации экономической политики, связанной с расширением производства и строительства, развитием территорий и эксплуатацией ресурсов, инфраструктурными проектами и социальными объектами. То есть ведомственность практически всегда имела материальную воплощенность в виде масштабных заводов и промышленных ландшафтов, жилых поселков и микрорайонов при производстве, архитектурных и дизайнерских решений, инженерных сетей и транспортных коммуникаций, социальных институтов и культурных учреждений. Иными словами, ведомственная система не ограничивалась социальными и политическими корпоративными отношениями и иерархиями, но и реализовывалась в конкретных структурах, сооружениях, зданиях и машинах.

Этот эффект можно назвать онтологическим принципом ведомственности: ведомство всегда привязано к материальному

телу. Из этого следует, что крах ведомственного тела (например, снос завода или социальной инфраструктуры предприятия) с большой долей вероятности вел к размыванию самого феномена ведомственности как системы отношений или социальной практики в каком-нибудь конкретном месте, где ведомственный ландшафт прежде располагался. Фокус на материальности расширяет самое понятие ведомственности. Так, выше было показано, что при интерпретации ее как системы возникают вопросы к тому, а включать ли конкретные предприятия, их трудовые коллективы и директоров в ее структуру. В случае же рассмотрения ведомственности через призму материальности не вызывает больших споров, что предприятие или завод непосредственно отражали всю ведомственную вертикальную систему на земле — через здания, ландшафт и инфраструктуру. Эти материальные объекты принадлежали и ассоциировались не только с конкретным предприятием, но и с определенным министерством и главком, кому также были подведомственны.

Более того, ведомственная материальность определяла для советского человека то, что А. Голубев назвал «стихийным материализмом»: постоянную способность вещей и физического пространства влиять на личность и повседневное производство смыслов[1]. Ведомства беспрерывно создавали новые формы материальности, которые в какой-то степени программировали обычную жизнь граждан в СССР. Вместе с тем материальная заданность все же создавала разные модели и практики формирования советской личности[2]. С моей точки зрения, каждое ведомство не просто организовывало инфраструктуру и ландшафт в рамках своей «вотчины», но фактически физически (но одновременно дискурсивно) конструировало поле возможностей для проявления советской субъективности. Границы реализации своего «Я» очерчивались в том числе материальным воплощением ведомственной политики. В итоге субъективностей могло быть столько, сколько это позволяли дискурсы и ландшафты ведомств. Соответственно, ведомственная материальность

[1] *Голубев А.* Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 19.

[2] Там же. С. 33.

предопределяла социальные практики населения, проживающего в этом физическом пространстве (об этом в следующем разделе), и дискурсивные контексты, которые будто облагораживали материальный мир советского человека (об этом в последнем разделе).

Ведомственная материальность была наиболее отчетливо заметна в проблеме производства городского пространства. Советская индустриализация привела к развертыванию масштабных производств в пределах старых городов или в новых промышленных центрах. Грандиозное строительство комбинатов и заводов, рудников и шахт, электростанций и машин сопровождалось не менее грандиозным возведением социальной и жилищной инфраструктуры, которая реализовывалась в идеологии идеального и утопического поселения — соцгорода. Однако дискурс о соцгороде чаще всего слабо продуцировался в реальности: разрозненные промышленные стройки разрывали городскую ткань и не давали сформироваться единому городскому пространству. Каждый завод или предприятие имели свою собственную вотчину с жильем, социальными и культурными учреждениями, объектами торговли и быта. Тем самым многие города больше походили на архипелаги промышленных островов с поселками. Эта болезнь поразила практически все города Советского Союза, где велось активное промышленное строительство. Именно ее современники часто называли ведомственностью.

Однако селитебная политика ведомств основывалась на более сложных идеологических принципах, связанных с приходом модерности. В пятой главе К. Бугров вписывает жилищную стратегию советских промышленных предприятий в глобальную перспективу. По его мнению, в начале XX века сформировались две основные траектории, с помощью которых индустриальные корпорации решали жилищную проблему. В капиталистических странах преобладала идея company town — небольшого рационально организованного города с низкой плотностью застройки и малоэтажным жильем, но который вместе с тем создавал структуры неравенства. Вторая траектория ориентировалась на демократическое и дешевое социальное жилье, чьим главным отличием стала многоквартирная высотная застройка. Эта

высотная идеология ведомств не только предопределила облик советских городов, но во многом сформировала отношение к такой высотной застройке как истинно «городской», несмотря на разрастание города в том числе за счет индивидуально-жилищного строительства. Высотность хоть и декларировала новую модерную жизнь и устройство города, она в то же время не смогла преодолеть анклавный характер жилищного строительства в промышленных центрах, где производство доминировало и определяло всю городскую социальность. С другой стороны, эти индустриально-ведомственные города воспроизводили посредством многоэтажной жилой застройки коллективистские и эгалитарные социальные отношения. Бугров отмечает, что советским планировщикам удалось экспортировать многоэтажную модель промышленных городов в другие социалистические страны. Там она получила местное своеобразие, но везде создавала некое корпоративистское единство, разрушающее структуры неравенства, характерные для индустриальных городов капиталистического типа.

Тем не менее материальное воплощение советской ведомственности в условиях интенсивной индустриализации также воспроизводило структурное неравенство, которое изначально предопределялось асинхронностью в финансировании и строительстве градообразующих предприятий и обслуживающих их поселений. Историк архитектуры С. Духанов в шестой главе показывает, что концепция соцгорода, разработанная в Госплане СССР, реализовывалась через неучтенный элемент — промышленное предприятие. То есть возведение городов в раннесоветский период финансировалось через сметы на стройку промышленных предприятий. В итоге формировалось только 10–30% города, в то время как остальная городская инфраструктура оставалась на бумаге. Так, новые социалистические центры на практике представляли собой недостроенные города, где застроенная часть полностью была чьим-то ведомственным фрагментом. Основная проблема была в том, что строительство города было намного дороже самих промышленных объектов в нем. По мнению Духанова, выход был в стратегии, основанной на принципе «агломерации», когда новые промышленно-селитебные районы привязывались к существующим городам. В итоге

это вело к децентрализации городов и фактически невозможности объединить ведомственные фрагменты в единую городскую ткань. В такой ситуации нередко ведомства «достраивали» социально-культурную инфраструктуру в своих поселках при предприятиях, создавая тем самым как бы «город в городе».

Эта логика ведомственного финансирования и соответственно ведомственного расселения наиболее заметно проявилась в районах строительства БАМа. В седьмой главе Н. Байкалов раскрывает, как ведомственность была структурной основой не только самой железнодорожной стройки, но и вообще социальных отношений и культурного ландшафта населенных пунктов БАМа. Байкалов указывает, что базовые свойства ведомственных городов — неустроенность, разрозненность, дискретность и временность — не порождались ведомственностью через какое-то время, а изначально определялись на этапе проектирования. Вместе с тем историк показывает, что онтология ведомственности шире, чем просто ее материальное воплощение, поскольку включает еще и особый темпоральный режим. Временность — это качество присуще почти всем ведомственным поселениям. Оно выражалось через отношение к ведомственной материальности, в первую очередь к жилью, как к чему-то сменяемому и непостоянному, а сами жители таких поселений нередко ощущали себя «временщиками». В какой-то степени ведомственность была синонимом временности — воспринималась лишь как преходящее явление и вынужденная мера эпохи начального освоения. Для современников бамовской стройки, временные поселки («времянки») — это и есть ведомственные, в то время как инфраструктура в капитальном исполнении («постоянка») ассоциировалась с государством как чем-то вневедомственным. Однако, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное: нерентабельность БАМа в постсоциалистических реалиях привела к отказу от капитального жилищного строительства и консервации «времянок».

Таким образом, анализ ведомственности может подразумевать выявление онтологической сути этого явления. В основе такого понимания лежит реконструкция ведомственной политики через ее материальное измерение: пространства, здания, застройку, ландшафт, заводы, технику. При этом эта ведомственная

материальность не была какой-то универсальной, скорее, наоборот, в зависимости от разных советских контекстов она отличалась вариативностью и множественностью. Так, с одной стороны, она могла быть капитальной высотной застройкой, а с другой — временным самостроем. Вместе с тем ведомственная инфраструктура всегда тяготела к промышленному предприятию, что создавало фрагментированную среду в советских индустриальных центрах. Еще одним важным онтологическим свойством ведомственности был особый темпоральный режим. Он выстраивался вокруг графика и процесса работы промышленного предприятия или этапов строительства производственной или социальной инфраструктуры, где обособленно выделялись проектный и пионерный периоды освоения территории, когда, собственно, и формировались основы не только ведомственной материальности, но и ведомственных отношений.

Практика

Советскую ведомственность можно определять как социальную практику. В социальных науках описание практики сводится к человеческой фоновой деятельности, из которой состоит мир повседневности людей[1]. Кажется, что в контексте ведомственности практику следует рассматривать несколько иначе — не просто как фон, но как действия и отношения, формирующие идентичность с конкретной институцией. В данном случае практика — это занятие и трудовой процесс, должностные инструкции и отношения с коллегами в рамках работы, осуществляемой для организации или предприятия. Феномен ведомственности представлен бесчисленным набором социальных практик, которые проявляются на двух уровнях. На первом они связаны с делопроизводственной и бюрократической конвенциональной работой внутри любого ведомства — заполнение рапортов, следование нормативам, совещания, заседания, протоколы, переписка, распоряжения и решения и т. д. На втором уровне они приобретают формы межведомственной деятельности — горизонтальных

[1] *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 18–22, 32.

или вертикальных отношений и контактов между различными организациями, или ведомственных политик, нацеленных на конкретные социальные группы и институции. В советской истории этот уровень зачастую воспроизводился в конфликтной форме между представителями различных ведомств.

Соответственно, такие практики предполагали наличие ведомственного агента, то есть того, кто представлял ведомство посредством своей должности, действий и риторики. То, что агент отражал точку зрения ведомства, еще не значило, что он не обладал субъектностью в реализации своей работы. С одной стороны, он должен был руководствоваться инструкциями и положениями, но, как правило, реальная активность внутри и за пределами ведомства напрямую связывалась с личностью агента — его харизмой, опытом, образованием, убеждениями и социальным капиталом. Таким образом, он имел право на дискрецию, то есть мог интерпретировать предписания и инструкции и выбирать пути решения бюрократических и административных задач. Зачастую многие конфликты между разными историческими личностями объяснялись именно ведомственной идентификацией, как и наоборот — конфликты ведомств раскрывались в идентичностях ведомственных агентов. Тем самым функционеры и начальники от ведомств не являлись обычными винтиками институциональной системы. Точнее, через их субъектность происходило отстаивание ведомственных интересов, которые определялись и формулировались также этими агентами.

Проблема субъектности ведомственного агента непосредственно сопряжена с вопросом о формальных и неформальных отношениях в ведомственной структуре. Как соотносились предписанные формализованные практики и неформальные патронклиентские связи ведомственных работников и руководителей? Насколько нормированные действия и частные клиентские сети очерчивали границы субъектности ведомственных агентов и являлись ресурсом для ведомственной идентичности? Какую роль формальные и неформальные отношения играли в вертикальных и горизонтальных коммуникациях между ведомствами? Эти вопросы позволяют посмотреть на социальную практику в качестве значимого элемента иерархической системы ведомственности, описанной выше в разделе о ведомственности

как системе. То есть эта система могла поддерживаться строго в формализированных и нормативных практиках бюрократов, как между институтами, так и между институтами и обычными гражданами. Но она также могла держаться на неформальных практиках, например на кумовстве, протежировании и клиентелизме внутри одной вертикальной исполнительной линии от министерства к конкретному предприятию либо же между разными управлениями и предприятиями, подчиненными различным исполнительным веткам.

Другим аспектом ведомственности являлась ведомственная политика, которая выражалась в виде практики управления и учета обширных групп населения, а также регулирования производственной и частной повседневности граждан — рабочих, служащих и их семей, которые находились под патерналистской опекой бюрократической структуры или промышленного предприятия. Реальное значение ведомств часто проистекало из возможностей осуществлять институциональный повседневный механизм контроля, учета и формирования лояльных групп населения. Так, промышленные предприятия выступали каналами интеграции «маргинализированных» групп (например, спецпереселенцев, индигенных и этнических групп, мигрантов-рабочих, вахтовиков и т. д.) в советское гражданское общество и обеспечивали формирование новых политических агентов и функционеров. В условиях крупных индустриальных преобразований на ведомства возлагались задачи по социально-культурному обеспечению граждан — жилищем, образованием, здравоохранением, общественным питанием, торговым и бытовым обслуживанием, культурным и спортивным досугом. Такая ведомственная социальная политика становилась второй важнейшей деятельностью предприятий и главков, после реализации своей основной производственной задачи. Эта социальная сфера ведомственности насчитывала множество социальных практик, таких как распределение квартир, шефство над школами, самодеятельность в Домах культуры, приписывание к поликлиникам, закрытость точек общепита, курирование спортивных обществ и т. д. Бесчисленное количество подобных ведомственных практик и поддерживающих их правил формировали на локальном уровне мир советского человека и особый социальный порядок.